

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1955, том XIV, вып. 3

май — июнь

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ ЛЕКЦИЙ В. Я. БРЮСОВА В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ПО ТЕОРИИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ — «ВОПРОСЫ ЭВФОНИИ» *

В. Я. Брюсов вел в Московском университете курс «Поэтическая композиция» и п. оводил творческие занятия со студентами. Публикуемая здесь его работа представляет собой запись лекции о звуковой организации (эвфонии) стиха. В этой области В. Я. Брюсов много и плодотворно работал и как поэт и как теоретик. Много внимания вопросам эвфонии он уделил в своей книге «Опыты» (1918 г.).

Однако систематическая разработка этих вопросов была им только начата. Он не включил соответствующий раздел в свою книгу «Наука о стихе» (1922 г.), в которой подробно разработаны разделы, трактующие о метрике и ритмике, а вопросы эвфонии затронуты лишь попутно.

Печатаемая здесь лекция свидетельствует о том, что В. Я. Брюсов уже начал глубокое изучение эвфонии и имел возможность поделиться со студентами рядом существенных выводов.

Большой интерес представляют соображения поэта о целостной связи всех выразительных элементов стиха, изложенные в начале лекции.

Существенно отметить антиформалистическую направленность работы.

Вместе с тем лекция свидетельствует о том, что всю работу В. Я. Брюсов во многом еще не довел до конца, ряд вопросов в ней затронут бегло, многие разработаны лишь фрагментарно. Одна из важнейших проблем — связь звуковой организации стиха с его интонационной структурой здесь еще не выдвинута. Некоторые положения, естественно, устарели. Следует отметить, что термин аллитерация В. Брюсов трактует шире, чем обычно принято, включая в это понятие иногда и гласные звуки.

Работа печатается с некоторыми незначительными исправлениями, устраняющими ошибки стенографической записи.

В поэзии не существует изолированных друг от друга метрики, ритмики, строфики или эвфонии. На деле существует только целое стихотворение. Каждый стих имеет определенный метр, одновременно имеет свой звуковой строй, в то же время непременно входит в какую-то строфу или в какой-то строфоид и, кроме того, подчинен общей композиции стихотворения, наконец, имеет также определенный смысл. На деле все это связано между собой неразрывно, и только с целью научного анализа можно рассматривать то или другое раздельно — учитывая, что каждая из этих сторон стиха влияет на другую. Так, звуковое строение влияет на ритм, ритм под влиянием тех или иных звуков видоизменяется, и, наоборот, звуковое строение во многом зависит от размера, от ритма и от строфического строения. Во всяком случае, звуковое строение играет в стихе роль чрезвычайно важную. Если можно сравнить метрический строй со скелетом организма, то эвфонический строй, звуковой строй будет саможивое тело этого существа, а строфика будет та одежда, в которую это тело облекается.

Значение эвфонии подчеркивается еще тем, что она наиболее родственна всем вообще видам художественного творчества. И в художественной прозе мы найдем известную аналогию метрике, строфике и т. п., но именно эвфония — наиболее общее явление для поэтического языка.

* Вступительная заметка Л. И. Тимофеева.

Эвфония является частью общей поэтики. Именно в стихологии эта часть общей поэтики получает особое значение. Звуковое строение стиха, стихоряда подчиняется и не может не подчиняться строению метрическому — метроряду. Это вызывает в области эвфонии стиха ряд явлений, совершенно своеобразных, не связанных с эвфонией прозы, почему эвфонию стиха и приходится рассматривать отдельно. Надо добавить, что звуковое строение стиха — предмет весьма обширный, может быть, потому, что он недостаточно разработан, не приведен в такую стройную систему, чтобы можно было обозреть его кратко. Недостаточно разработан он потому, что в поэзии каждого языка эвфония почти самостоятельна, в то время как при изучении явлений метрики мы можем пользоваться аналогиями — исследованиями и наблюдениями, которые делались в течение многих столетий в более старых литературах, особенно в литературах, имеющих такие же системы стихосложения, как и у нас, например немецкой. В области эвфонии пользоваться этими аналогиями почти невозможно. Здесь можно заимствовать только самые общие понятия, потому что произнесение слов в каждом языке различно. Мы произносим звуки иначе, нежели произносят немцы, французы, англичане. Поэтому русская эвфония должна быть разработана совершенно самостоятельно, независимо от эвфонии других языков. А так как у нас изучение стихологии началось поздно, то русская эвфония почти не разработана, а это усложняет ее изучение и преподавание.

Эвфонию можно и должно разделить на три главных раздела: 1) учение о звучании, 2) учение о звучности и 3) учение о звукописи.

Под учением о звучании и разумеется учение о звуках слов, независимо от их вхождения в тот или другой звукоряд, и о сочетаниях их между собой, независимо от звукоряда. Следовательно, учение о звучании естественно распадается на две части: а) учение о выборе слов и б) учение о сочетании слов.

Учение о звучности есть, собственно говоря, учение о самих звукорядах. Оно распадается на три раздела: а) учение об аллитерациях, или — по-русски — повторах; б) учение об инструментровке, т. е. о звуковом построении всего звукоряда или целой системы звукорядов; в) учение о созвучиях. Но ввиду того, что последнее имеет особое практическое значение, мы переносим его в отдел учения о звукописи.

Учение о звукописи в сущности включает один отдел самой звукописи, но из него выделяется учение о звукоподражании. И наконец, к этим двум отделам присоединяется учение о созвучиях, т. е. о рифмах, ассонансах и тому подобных явлениях, играющих в нашей европейской поэзии огромную роль. При этом рифмы и ассонансы приходится рассматривать, во-первых, по их звуковому строю, во-вторых — по их отношению к ритмике, в-третьих — по их отношению к строфике, потому что рифма определяет часто строфу, и, наконец, — по отношению к слову, т. е. к значению, смыслу слова.

На этих вопросах мы и должны будем остановиться.

В виде предварительных замечаний я должен повторить краткие определения. Во-первых, надо напомнить, что мы различаем метроряд (стих) и звукоряд, как явление эвфоническое. В некоторых случаях звукоряд со стихом могут не совпадать. Во-вторых, следует напомнить определение слова. Эвфоническое слово не всегда совпадает со словом грамматическим. Эвфоническое слово есть тот комплекс звуков, который мы произносим одним ударением, так что все малые слова, которые мы произносим без ударения, объединяются в одном слове. Например: «Мой дядя самых честных правил». Грамматически — пять слов, а эвфонически только четыре. «Мой дядя» произносится с одним ударением.

Важно заметить, что мы будем говорить о звуках, а не о буквах, и это различие должно очень строго проводить. Общеизвестно, что буквы и

звуки — вещи различные; различие их происходит оттого, что звуков очень много в языке. Если для каждого звука, который мы произносим, создавать особую букву, то наш алфавит оказался бы очень обширным. С развитием языка в силу исторических причин произношение менялось и разные звуки или ослабевали, или выпадали и вообще подвергались различным изменениям; и поэтому правописание всех языков, в том числе и русского, не соответствует произношению: пишут одно, а произносят другое. При изучении эвфонических явлений мы исследуем то, что произносим, а не то, что пишем.

В связи со сказанным следует напомнить, что в русском языке одна и та же буква часто выражает разные звуки и, наоборот, разные буквы могут произноситься одинаково. Например, известно, что «о» неударное приближается или совпадает с неударным «а» или переходит в другой звук, который совпадает со звуком «ы». Например: город — горыд, вода — вада. Буква «е» имеет также несколько произношений, в неударных слогах она очень близко подходит к букве «и», и это «иканье» все более и более усиливается в русском языке. Например, в стихотворении Пушкина строка «И шестикрылый серафим» звучит в произношении так: «И шистикрылый сирафим».

Звук «я» также в разных случаях произносится различно: например, в слове «язык» «я» произносится как «е».

Наиболее устойчивыми среди гласных являются буквы «у» и «ю», которые мало меняют свое произношение — независимо от того, стоят ли они под ударом или не под ударом. Звуки же неударные, которые в русском говоре произносятся неопределенно, мы будем рассматривать как звуки подсобные. Также меняется произношение и согласных звуков в зависимости от того, какой гласный следует за ними. Звуки «к (а)» или «к (и)» изображаются одинаково, но для эвфонии они звучат разно. С другой стороны, иногда разные звуки изображаются одной и той же буквой: «д» в конце слова звучит как «т», «в» звучит как «ф».

Перейдем теперь к учению о звучании. Задача учения о звучании — указать на те условия, которые придают поэтической речи так называемое благозвучие. Сообразно с этим оно разделяется на учение о выборе слов и учение о сочетании слов. Никаких общих законов, а тем более правил, вывести в первой из этих областей невозможно. Ведь выбор слова зависит в гораздо большей мере от совершенно других условий, нежели от условий звуковых. Конечно, до некоторой степени выбор слова согласуется со звуковыми требованиями, но в громадном большинстве случаев выбор слова зависит от самого состава словаря данного языка, во вторых — от предмета, который излагается в данном стихотворении, и, в третьих, от субъективного предпочтения автором тех или других слов. Вообще нужно сказать, что выбор слов должен преследовать по крайней мере две задачи: избегать слов какофонических, т. е. звучащих неприятно, и не употреблять слов, хотя и благозвучных, но не удовлетворительных по существу.

Понятие слова, звучащего какофонически, конечно, крайне субъективно. Эти понятия меняются в течение веков, переходят от одной школы к другой, от одного поэта к другому. То, что казалось благозвучным для представителей классицизма, романтикам казалось крайне сухим; наоборот, реалисты отвергали благозвучие романтиков. Футуристы восставали против благозвучия символистов, находя его слишком приторным, и отстаивали желательность какофонии. Кроме того, в зависимости от сюжета иной раз бывает необходимо не только избежать благозвучия, но именно создать какофонию. Поэтому устанавливать какие-нибудь общие законы здесь трудно. Вообще можно сказать, что почти всякий выбор слова преследует четыре цели: 1) избежать излишнего накопления согласных; 2) избежать излишнего накопления одних гласных; 3) избежать излишнего накопления одних кратких слов, например односложных;

4) избегать излишнего накопления одних длинных слов, многосложных.

Но эти условия постоянно на практике нарушаются, и нарушаются порой весьма удачно. Мы видим, что иногда накопление согласных и звуков неприятных, например шипящих, необходимо для образительности стиха (звукоспись), и часто поэты пользуются этим.

Мы говорим, что должно избегать скопления одних гласных звуков, но, например, Пушкин пользуется таким стихом: «Бегут нестройною толпой». По требованиям образительности и ритмики нарушается также правило о том, чтобы избегать односложных слов:

Ее страшит жруг шум, бурь свист,
Рев морь и бури шум

(Державин)

Выбор слов имеет значение при выборе синонимов, и поэт при этом должен также руководствоваться соображениями эфоническими. Так, например, замечено, что большинство поэтов избегает причастий, которые оканчиваются на «вший» («уснувший»), и ставят «в» («уснув»). То же самое относится к причастиям, оканчивающимся на «щий, ющий»: «летающий» заменяется деепричастием «летая». Мы часто наблюдаем это в стихотворениях Пушкина, который является нашим главным учителем в области эфонии. У него мы видим иногда также славянизмы, старинные, вышедшие из употребления формы, что не всегда применялось Пушкиным с целью придания колорита старины или торжественности, а весьма нередко зависело и от задач чисто эфонических...

«Итак, домой пришед Евгений» — форма старинная, не употреблявшаяся уже и во времена Пушкина. Повидимому, это слово выбрано с целью эфонической.

Почти все, что я сказал относительно выбора слов, надо повторить по отношению к сочетаниям слов. Тут слишком много простора отводится субъективному сочетанию слов, благозвучных или неблагозвучных в зависимости от того или иного стиля и того или иного вкуса данной эпохи, данного поколения и, наконец, данного индивидуума. Некоторые весьма общие законы можно обосновать так: при сочетании слов, если одно слово кончается согласным звуком, то другое должно начинаться гласным, и, наоборот, если первое кончается гласным, другое должно начинаться согласным. Такого правила придерживается и русская поэзия, но, конечно, от этого правила существует бесконечное число отступлений. Едва ли даже в 60% лучших произведений это правило соблюдено. Отчасти это объясняется, может быть, даже тем, что существует целый ряд случаев, когда это правило в таких общих формах, собственно говоря, не нужно. Не всегда столкновение двух гласных, или з и я и и е, производит неблагозвучное впечатление. В некоторых случаях два гласных звука прекрасно могут уживаться рядом, создавая впечатление совершенного благозвучия. Несомненно, что слова, начинающиеся с иотированного «я», не требуют, чтобы рядом находился согласный звук.

«И шестикрылый серафим на перепутьи мне явился» — здесь «е» и «я» не дают зияния.

«Но недоступная черта меж нами есть» — зияния нет.

Что касается столкновения согласных, то здесь дело обстоит серьезнее. Столкновение согласных возможно в том случае, если они образуют группы, существующие вообще в словах русского языка, которые довольно легко воспринимаются нашим слухом. Столкновения согласных в случаях, где есть одна из плавных («л, р»); особенно перед «р» всякие согласные), проходят крайне тяжело. То же самое относится к столкновению таких звуков, как «б» и «п», например: «чтоб после». То же относится к свистящим. Кроме исключительных случаев, когда такие свистящие или

тяжелые звуки необходимы в целях изобразительности, их следует избегать. Что же касается сочетаний «т» и «д», то они хотя и признаются неблагозвучными, но на практике встречаются очень часто: «перед тобой».

Если мы обратимся к Пушкину, то увидим, что у него в большинстве случаев общие законы словосочетания соблюдаются. Прекрасным примером может служить хотя бы строка из «Пророка»: «Духовной жаждою томим, в пустыне чахлой я влячился».

Возьмите стихотворение Пушкина «Зимняя дорога». Если пересмотреть все это стихотворение, то можно легко увидеть, что столкновений имеется очень мало и что эти столкновения или относятся к иотированным, или легко воспринимаются нашим слухом: «Отуманен лунный лик».

Этим стихотворением можно воспользоваться также для того, чтобы обратить внимание на некоторые явления, которые относятся к области звучности. В нем они выступают очень ярко. В этом стихотворении господствующим звуком является звук «ч». Мне этот звук кажется очень удачным. «Колокольчик однозвучный» — два «ч». В другом стихе этот звук распределен гораздо более скромно: «На печальные поляны льет печальный свет она» (по одному «ч») — и далее только в рифме: «По дороге зимней скучной».

Здесь же мы найдем разнообразные явления, которые введут нас в область аллитераций. «На печальные поляны» или «тройка б-орзая б-ежит». Два слова начинаются одним и тем же звуком. Здесь мы уже подходим к учению о звучности, т. е. к вопросам аллитерации.

Аллитерация есть повторение тождественных или сходных звуков в единицах звукоряда. Это повторение может быть как в отдельных словах (в эфоническом смысле), так и в ряде слов, например в так называемых полустихиях, и, наконец, в целых звукорядах, например в двух стихах, и вообще в частях слов.

Но об этом мы поговорим после. Теперь будем рассматривать аллитерации сами по себе. Рассмотрим их виды.

Прежде чем приступить к рассмотрению их, следует сказать о том, что мы называем повторением в звукоряде.

Во всяком звукоряде имеется много звуков, но не все эти звуки имеют одинаковое значение для эфонии, и повторение не всех этих звуков имеет одинаковое значение для аллитераций. Во-первых, для аллитераций преимущественное и почти единственное значение имеют звуки согласные. Но и не все согласные: главное значение для аллитераций имеют согласные звуки, начинающие слово. Это могут быть звуки: опорный перед первым гласным, т. е. тот согласный, который стоит непосредственно перед первым гласным, или это может быть в буквальном смысле начальный звук, начинающий собой слово, или, наконец, это может быть звук предопорный, стоящий перед опорным согласным, но предваряемый еще одним звуком, начинающим слово.

Во-вторых, такое же значение для аллитераций имеют все согласные звуки, обрамляющие ударный гласный, стало быть прежде всего звук опорный, стоящий непосредственно перед ударным гласным, и затем звук послеударный, т. е. стоящий после ударного гласного.

Далее идут и имеют уже гораздо меньшее значение звуки конечные, т. е. те, которые кончают собой слово. Они приобретают свое значение тогда, когда последний слог ударный. Однако в отдельных случаях конечные звуки и независимо от этого иногда принимаются в расчет при аллитерациях.

Из гласных звуков имеют значение прежде всего гласные звуки в сочетании с согласными. Например, начальный звук какого-нибудь слова в сочетании с гласным, следующим после него, образует то, что мы называем «слоговой повтор».

Сами по себе гласные имеют значение в другом отделе эфонии, в отделе инструментовки. В отделе же аллитерации гласные значения почти

не имеют потому, что гласные ударные употребляются для инструментовки, а гласные неударные у нас обыкновенно теряют свой звук, меняют его, звучат неопределенно. Поэтому они имеют значение или в сочетаниях с согласными, или в тех случаях, когда данный гласный звук свое произношение не меняет, независимо от того, стоит ли он без ударного или с ударным.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению аллитераций.

Основных форм повторов имеется четыре: а н а ф о р а, э п и ф о р а, з е й г м а (зейгма по-гречески — ярмо, соединяющее двух упряжных животных) и ц и к л. Эти формы имеют также русские названия: 1) анафора — скреп, 2) эпифора — концовка, 3) зейгма — стык и 4) цикл — кольцо.

Анафора есть повторение тождественных или сходных звуков в начале двух или нескольких единиц звукоряда. (Нужно сделать оговорку, что эти единицы могут быть и отдельные эвфонические слова, и отдельные части звукоряда, и целые звукоряды, и, наконец, части слов, но пока мы рассматриваем почти исключительно отдельные слова.)

Анафора есть повторение начальных звуков, или, иначе говоря, эдипоначатие. Это самая простая форма аллитерации, которая встречается чрезвычайно часто, так что примеров ее можно привести бесконечное количество. Все примеры, которые я буду приводить, взяты из Пушкина, как одного из величайших эвфонистов во всемирной литературе.

Вот примеры простые: «б-лагоговея б-огомольно»; «б-лагословенные б-огами»; «н-емая н-очь»; «н-ойте н-евцы»; «с-аблями с-туча».

Эпифора есть повторение тождественных или сходных конечных звуков в двух или нескольких единицах звукоряда, или частях звукоряда, или нескольких звукорядах, или частях слов. Мы будем рассматривать частные случаи, когда это повторение имеется в двух словах, — следовательно, когда повторяющиеся звуки стоят в конце слов. Рифма есть частный случай эпифоры. Надо сказать, что эпифора в своем чистом виде встречается редко, именно потому, как я уже сказал, что конечные звуки слов играют второстепенную роль в эвфонии. Они получают свое значение тогда, когда входят в ударную часть слога, но тогда они приближаются к рифме. Следовательно, большинство примеров эпифоры будет походить на рифмы. Однако в некоторых случаях можно найти эпифоры чистые.

Примеры: «святыню все-х свои-х гробов»; «речь гостей хмель-на, буй-на»; «напоминают м-не о-не».

Зейгма есть повторение тождественных или сходных звуков и т. д. в конце одной из единиц звукоряда и в начале следующей: «Звучал мне дол-го го-лос нежный».

4-я форма называется ц и к л. Это — повторение тождественных или сходных звуков и т. д. в начале одной из единиц звукоряда и в конце следующей.

Примеры: «р-опшет бо-р», «недавно ч-ерных ту-ч грядой» (звук «ч» в начале одного слова и в конце другого); «он г-оворил, что г-невный бо-г».

Если мы будем знать эти основания, нам будет легче разобраться и в рядах повторов. Одним из первых видов повторов является повтор начальный, или анафорический, т. е. повторение звуков, стоящих в начале слова. Они могут быть чистыми, когда повторяется начальный звук слова, или затактными.

Начальные повторы, анафорические, могут быть прежде всего чистыми.

Примеры: «с-вободы с-еятель пустынный»; «смирил н-олтавский н-обедитель».

Но, кроме повторения именно первого звука, огромное значение имеет повторение звука о п о р н о г о, который непосредственно предшествует первому гласному. Он не всегда является первым звуком в слове, но мо-

жет быть вторым и третьим, почему некоторые теоретики предлагали называть его *з а т а к т н ы м* звуком (термин взят из теории музыки).

Примеры: «я *тре*-пещу и *про*-клинаю». *Тре*-, *про*- начинаются с разных звуков, но перед первым гласным стоит как опорный звук в том и в другом слове звук «р», который и образует опорный повтор с затактными звуками; «из *кр*-ая *мр*-ачного изгнания»; «*бр*-одить *тр*-игорского *кр*-угом». Везде начальные звуки разные, но везде опорный звук «р» один и тот же.

Надо сказать, что эти затактные аллитерации, эти повторения звуков, предшествующих первому гласному, большей частью употребляются не в таком чистом виде, как я это представляю. Большой частью они комбинируются, т. е. в одном случае берется звук затактный, а в другом случае — звук начальный, «чистый»: «и *сп*-ит *п*-одкупленный евнух»; «с *м*-ладой *м*-онашенкой»; «к *но*-гам *на*-родного кумира»; «и тот *п*-ослушно в *п*-уть *п*-отек»; «тогда-то с-в-ыше в-дохновенный»; «как часто, в-озбудив св-ирепой мести жар».

Таковы аллитерации начальные.

Далее существуют виды повторов эпифорические, т. е. конечные. Нужно оговориться, что, как и эпифоры, они употребляются гораздо реже, потому что конечные звуки слов менее слышны и приобретают свое значение только тогда, когда последний слог есть ударный слог. Чистых эпифорических аллитераций очень мало. Большой частью все они переходят в рифмы:

«*Мча*-тс*я* тучи, вью-тс*я* тучи». Концы слов тут являются повторами, хотя они и не звучат сами по себе. Эти сочетания можно рассматривать как заударные звуки.

Эти эпифорические повторы могут стоять непосредственно в конце слова или могут быть отделены от конца слова каким-нибудь звуком — стало быть, они являются тоже как бы затактными.

Примеры: «и сво-в-а де-в-а за холмом»; «оди-н, оди-н о милом сы-н-е»; «и н-аслажде-н-ий властели-н».

Ударные повторы играют большую роль. Ударные повторы те, где имеются звуки, входящие в ударный слог. Здесь могут повторяться или опорный согласный, или предопорный согласный, или послеударный согласный. Конечно, наибольшее значение имеют опорные и предопорные. Меньшее значение имеют послеударные.

Возьмем примеры:

«У-в-ял о-в-идиев в-енец». Опорный согласный один и тот же, гласные разные.

«Я-в-ись у д-в-ери гробо-в-ой». То же самое.

Конечно, возможны случаи той или другой аллитерации, оканчивающейся эпифорически.

Например: «Перед свя-ты-ней красо-ты».

Таким образом, аллитерации могут быть анафорическими и эпифорическими, а могут быть и стоящими в середине слова.

До сих пор мы рассматривали в аллитерациях звуки опорные, но в них также могут приниматься в расчет звуки предопорные и послеопорные. Вот примеры, когда принят во внимание предопорный звук: «Заснула ты последним сном». Аллитерация на звук «с», но он не стоит непосредственно перед ударным гласным, а отделен другим, не аллитерированным звуком.

«И меж пелен *оста*-вила сви-рель» (звук «с» является затактным анафорическим).

Если мы будем искать предопорную аллитерацию после ударного звука и при этом ударный звук будет сходный, мы получим простую рифму или во всяком случае ассонанс. Пример: «От *измены*, от забв-енья». Если ударные гласные сходны, то создается впечатление рифмы или ассонанса.

Вообще можно привести очень много примеров и на предопорные, и

на послеударные, и на все другие виды аллитераций. Они соединяются между собой как угодно.

«Россия бра-нная цари-ца». Это пример опорных аллитераций.

«Когда ты в *первый раз* вверял с недоуменьем» (в первом случае звук *р* — заударный, а в слове *раз* — опорный).

«Здесь *лирой север-ной* пустыню оглашая».

Таких примеров очень много, причем комбинируются ударные аллитерации с неударными.

«Тихо *запер я двери*». Этот случай можно рассматривать как своеобразную эпифорическую аллитерацию.

Спрашивается, что же, неударные звуки при этом не играют никакой роли? Нет, иногда они играют роль. В основных видах аллитераций определенному начальному или ударному звуку могут соответствовать и звуки, стоящие в неударном слоге. Раз мы слышим звук отчетливо, то воспринимаем его даже в неударном слоге (пример: «Тихо *запер я двери*»). Эти части слога могли приобрести значение самостоятельной аллитерации, если в него входит какой-нибудь звук, произносящийся особенно отчетливо. Таков в русском языке звук «ч», который звучит совершенно характерно для нашего слуха, и Пушкин воспользовался этим: «Мертвецы *окоченелые и почернелые...*» Вот пример, когда совершенно неударный слог играет роль самостоятельной аллитерации. Но, конечно, это бывает более или менее редко.

Еще пример: «С *душой задумчивой* я ныне посетил».

Заговорив о видах повторов, коснусь и тех случаев, когда мы имеем повторы не в виде повторений звуков в двух словах, но в виде повторения их в одном слове. Большею частью это бывает, когда один звук начинает слово, а другой входит в ударный слог.

Примеры:

«*За-здравный* кубок поднимает» («з» начинает слово и потом стоит в предопорном слоге) «*Во-схвалим* царствие чумы».

Случаи, когда оба звука стоят в неударном слоге, очень редки:

«*По по-трясенной* мостовой (звук «п» образует аллитерацию).

Это, собственно говоря, все, что в существенных чертах нужно было сказать о видах повторов. Особым вопросом является вопрос о рядах повторов. Но это уже особая проблема, которая должна рассматриваться самостоятельно.